
DOI: 10.31857/S0236200724020103

©2024 И.А. МАТВЕЕВА

ЗНАХАРСТВО И КОЛДОВСТВО В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Матвеева Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры «Музыка и методика преподавания музыки» факультета педагогики, психологии и социальных наук.

Пензенский государственный университет.
Российская Федерация, 440026 Пенза, ул. Красная, д. 40.

ORCID 0000-0001-5351-3561
redkina1983@rambler.ru

Аннотация. Исследуется магическая традиция, актуально присутствующая в селах Пензенской области. Представленные современные экспедиционные материалы раскрывают прежде неизвестные грани в традиции сельских лечебных и колдовских практик. На основе мифологических рассказов, быличек носителей традиции и репортажей с ними выделены устойчивые характеристики знахарей и колдунов Пензенской области. Один из таких элементов — «дар» — рассматривается как избыточная жизненная сила, позволяющая колдуну вредить людям, а знахарю исцелять различные болезни. Впервые раскрывается система последовательного усиления жизненной силы знахаря и колдуна. Запреты и ограничения, постоянная ритуальная практика, сновидение и оборотничество выступают частями системы, в результате функционирования которой усиливаются магические способности. Особое внимание уделяется мифологическим рассказам о превращениях колдунов и знахарей в «огненного змея» — светящийся шар. В частности, обнаружены его новые образы и функции. Так, установлено, что светящийся шар — это промежуточная форма в череде магических превращений. Конечный образ связан с человеком, который вступает в контакт с колдуном или знахарем. Варьируется и функция «змея» — из вредоносного существа он трансформируется в нейтрального и даже положительного персонажа. Последовательная реализация всех элементов магической системы

приводит к созданию «сверхчеловека», одновременно существующего в пространстве двух «миров» — реальном и мифологическом.

Ключевые слова: Пензенская область, традиционная культура, фольклор Пензенской области, знахарь, колдун, «огненный змей», знахарство, колдовство.

Ссылка для цитирования: Матвеева И.А. Знахарство и колдовство в Пензенской области: современное состояние магической традиции // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 174–191. DOI: 10.31857/S0236200724020103

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Магическая традиция колдовства и знахарства уже свыше столетия — один из наиболее актуальных предметов исследования в науке. Колдуны и знахари, их необыкновенные способности и «волшебные» помощники, ритуальные действия и заговорные тексты и сегодня привлекают внимание специалистов в различных областях научного знания [Виноградова, 2000; Мазалова, 2011; Писаренко, 2013; Христофорова, 2010]. Вместе с тем на условной этнографической карте обследованных территорий остается еще множество «белых пятен». Одно из них — Пензенская область.

Как известно, Пензенский край — сложный по своему этническому составу регион. Здесь на протяжении нескольких столетий чересполосно проживают русские, мордва, татары, чуваша. И если изучение песенного фольклора, ритуалов семейного и земледельческого циклов этих народов нашло отражение в современной научной литературе, то знахари, колдуны и их деяния описаны исключительно дореволюционными собирателями [Докучаев, 1910; Масловский, 1895; Озерецкий, 1874; Смирнов, 1882]. В этой связи цель настоящей статьи — представить магическую традицию Пензенской области в ее современном бытовании.

Основой для настоящего исследования послужили данные, полученные участниками этнографических экспедиций от носителей традиции — колдунов и знахарей, а также сведения от респондентов, испытывавших на себе магическое воздействие различного рода (см. приведенный в конце статьи Список населенных пунктов Пензенской области, где проходили этнографические экспедиции). Сведения «вторичного» происхождения (пересказы мифологических сказаний, услышанных когда-то от кого-то) в статье не использовались. Записи этнографических материалов производились автором статьи в основном в русских селах Пензенской области в 2004–2023 годах и находятся в его личном архиве.

Анализ собранного за 19 лет полевых исследований в Пензенской области фактологического материала позволяет говорить о том, что затронутая в изложении проблематика выходит далеко за рамки сугубо этнографической методологии. В частности, исследования показали, что магическая традиция, равно как и ее носители, продолжает жить вовсе не в сказочно-мифологическом прошлом, а «здесь и сейчас», в современных реалиях XXI века. Целые слои населения (преимущественно сельского) воспринимают магию, колдовство, знахарство и прочие агритуы так называемых магических практик отнюдь не только и не столько

Вышеизложенное служит ярким свидетельством того, что в современной фольклористике закономерно утвердился общий подход к ритуальным специалистам. Он обусловлен тем, что и знахари, и колдуны обладают универсальной магической силой и могут совершать деяния обоюдной направленности — и «на добро», и «на зло» [Мазалова, 2015; Левкиевская, 1999; Добровольская, 2001]. В целях развития этого утверждения знахари и колдуны Пензенского края, их «профессиональные» навыки и личностные характеристики рассматриваются в статье как явления одного порядка.

В настоящее время ритуальными специалистами в пензенских селах оказываются люди *разных возрастов*, совсем не обязательно пожилые. Так, известны «молодые» колдуны и знахари 35–45 лет. А в одном из районных центров зафиксирован случай детского колдовства, когда в роли начинающей колдуньи выступила девочка 10 лет: *«Моей внучке один раз сделали [порчу]. Внучке лет 8–9 было, падашила к ней девачка — а той лет 10, навернае, маленька пастарше, с другова парядка. “Ой, какие у тебя волосы красивые”. И на валасам внучку гладит, гладит. Ну, что ты — на следующий день Анютка наша слегла — прыщик пад мышкой, чирей — “сучье вымя”. И температура, и все балит... И пока сорок этих чирьев не сашли, внучка так и балела. А эта девачка одна-единственная [из всех подруг] пришла к нам дамой и узнала, как у Анечки састаяние»* (с. Русский Камешкир). То, что дети могут быть причастны магической традиции, подтверждается и материалами из других регионов [см., напр.: Поповкина, 2008: 74].

Общим для сел Пензенского края является также *социальный статус* колдунов и знахарей. Сегодня это обычные люди, часто имеющие образование: врачи, учителя, счетоводы, бухгалтеры, клубные работники, краеведы. Все они в глазах односельчан лишены какого-либо негативного или таинственного ореола. Знахари считаются одними из самых уважаемых людей, а отношение к колдунам скорее нейтральное, иногда даже сочувственное: *«У нас в Графинина был калдун. Ему слова сказать нельзя — все исполнится. И вот он мне сам признавался: “Жизни мне никакой нету — хоть глаза закрывай и рот не открывай”. Сам маялся»* (с. Пашково). Хотя еще в 1950–1960-е годы колдунов опасались, а в некоторых случаях откровенно боялись. Часто это приводило к тому, что человек в сельском обществе становился изгоем: *«Мой родственник дедушка Лабарев был колдун. И его боялось все село. Идет он по Кардаву, и все шарахаются, все разбегаются. А мне моя мама даже говорила: “Убегайте все с улицы, колдун идет”»* (с. Кардаво).

По *внешнему виду* колдуны и знахари ничем не отличаются от своих односельчан. Это физически здоровые люди (соответственно своему возрасту) без видимых ограничений здоровья. В частности, среди пензенских магических специалистов отсутствуют инвалиды, утратившие ту или иную часть тела или пережившие тяжелые операции. По всей видимости, наличие хорошего здоровья — одно из базовых качеств как целителей, так и колдунов и только в силу обстоятельств (физиологическое недомогание или недомогание, ставшее следствием ритуальных действий) те и другие на некоторое время могут прекратить практику.

заболевания существовали свой обряд и свой заговор¹, то теперь знахарем часто используются один текст и один ритуал на все случаи жизни: *«Дети плачут маленькие, неприятность какая — гарюет человек так, хоть в петлю лезь, или забалел — температура — я “умываю” и все прaxодит. Адин раз у нас телок забалел, лежит падыхает — я его умыла, и он палежал немножка и встал»* (с. Воскресеновка).

В качестве примера универсального заговора приведем текст, посредством которого лечат у людей кожные заболевания, воспаления глаз (конъюнктивит), депрессию, боли в животе, ревматизм, детские истерики, а также у крупного рогатого скота несложные болезни: *«Черный глаз — уйди от нас, карий глаз — уйди от нас, серый глаз — уйди от нас, любимый глаз — уйди от нас. Как утренняя заря и вечерняя уходят от нас, так все крики и невзгоды [называется имеющееся заболевание] уйдите с раба Божьего [называется имя больного]»* (с. Матчерка). Эффективность лечения в этом случае зависит от количества проведенных ритуалов, которое в разных селах варьируется от одного — трех (при несложных заболеваниях или легком воздействии колдуна) до шести — одиннадцати (при тяжелых и длительных болезнях или порче «на смерть»).

Ритуальные действия знахаря также зачастую сводятся к простым манипуляциям. В пензенских селах известны четыре типа таких действий:

- движения, которыми как бы «убирают» («стягивают», «снимают» или «выдавливают», по местной терминологии) болезнь;
- движения по кругу против часовой стрелки;
- троекратное переkreщивание больного;
- прикладывание руки к больному месту без каких-либо движений.

Иногда в арсенале знахаря имеется относительно сложный ритуал, который требует некоторой подготовки. Так, непосредственно перед сеансом исцеления особым образом подготавливается святая вода: *«Наливаешь воды полбакала, берешь щепотку соли — так, немножечка, — и вот так крестом сыплешь в воду. И говоришь: “Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа”. Крест-накрест, три крестика так. А потом три спички зажигаю. Аду, потом втарую, потом третью. И немножко не доходя до пальцев бросаю каждую в воду. А уже потом начинаю заговор говорить»* (с. Пашково).

Колдовские ритуалы также не отличаются особой сложностью. Самыми распространенными способами негативного воздействия являются:

- сглаз как результат чрезмерной похвалы;
- посыл дурных мыслей «по ветру»;
- порча через предметы (нитки или пряжу, поломанные иголки или булавки, ткань или бумагу и др.), еду или напиток;
- подклад (коровий, козий навоз).

¹ Например, в XIX веке в селах Пензенской губернии бытовали заговоры от истечения кровью, зубной боли, горячки, рахита и других заболеваний [Масловский, 1859; Тихомиров, 1877; Докучаев, 1885].

В пензенских селах «дар» является общим термином, обозначающим «волшебную» силу и колдунов, и знахарей. Вот что сообщают респонденты из двух достаточно удаленных друг от друга сел: *«Когда колдун умирает — он должен “дар” передать кому-то близкому. За ним этот “дар” не закреплен и когда он умирает, то должен его передать кому-то близкому в своем роду»* (с. Мамадыш); *«У нас был один колдун, знал много... Как он “дар” свой передал — не могу ничего сказать, просто слышал такой разговор. Но у нас был такой разговор, что когда он умирал, то он умереть долго не мог. И открывали трубу — все заслонки выдвинули. Иначе никак. Выходит, что он не передал “дар”»* (с. Кардаво).

По всей видимости, «дар» — это жизненная сила, которой в том или ином объеме обладает каждый человек. Передача преемнику дополнительной жизненной силы осуществляется в момент ее высвобождения — незадолго до смерти колдуна или знахаря. При этом обязателен непосредственный контакт: преемнику следует подержать умирающего за руку или передать ему какой-либо предмет (стакан с водой). Сегодня «дар» целенаправленно передается только близким родственникам, почти всегда сыну или дочери, реже внукам или племянникам. И только если колдун/знахарь одинок, жизненная сила передается любому человеку без какого-либо магического обучения.

В настоящее время в Пензенской области носители традиции никак не связывают обретение магической силы с отречением от бога и православных святых или с общением с чертями и бесами, что характерно для других регионов России [Мазалова, 2013]. Так, на вопрос о происхождении «дара» у представителей его рода потомственный колдун В.А. Моисеев отвечает: *«Я думаю, что это связано со сверхъестественной силой, божественное что-то, конечно»* (с. Кардаво).

По получении дополнительной жизненной силы и освоении комплекса теоретических знаний ритуальный специалист приступает к полноценной практике. При этом по мере усиления «дара» практикующий обретает *новые качества*, например способность видеть необычайно яркие, волшебные сны, осознанно действовать в них. Сны эти обычно хорошо запоминаются и могут иметь фантастический, волшебный сюжет: *«Сколько раз я по небу летал! Я во сне летал не один раз, и не десять, а много-много раз! Именно по Кардаву летал взад-назад — как будто по-настоящему лечу!»* (с. Кардаво).

Довольно часто в фантастических снах присутствуют умершие родственники, которые зовут сновидца с собой. Как известно, обычному человеку ни в коем случае нельзя соглашаться на это приглашение — явившийся во сне покойник уведет человека на «тот» свет, и человек на самом деле умрет. А вот колдун, наоборот, воспринимает общение с умершими как должное и даже может отправиться с ними в дорогу: *«Я во сне часто вижу упокойников. Как хорошо, хоть и во сне, а я увидел человека, которого здесь нет и который умер давным-давно. Бывают сны, что я с покойниками куда-то ухожу. Я во сне иду-иду-иду с покойником в сторону кладбища. И он уходит на кладбище, а я просыпаюсь. Это хороший знак, у нас считается, что я еще поживу»* (с. Кардаво).

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

шар галаватой и с хвостом. И лятить вот тах-та — виль-виль-виль!» (с. Большая Ижмора).

О том, что «змей» — еще одна ипостась колдуна/знахаря, свидетельствуют рассказы очевидцев данного явления: «А ведуны, между прочим, летают — я сама видела! Как шар такой продолговатый по небу летит. И сейчас [в 2022 году] есть» (с. Мамадыш). А на прямой вопрос, как можно объяснить это явление, вовлеченные в магическую традицию люди однозначно отвечают: «Шар — это точно не душа умершего» (с. Воскресеновка). Они убеждены, что в такую форму «чернокнижники могут оборачиваться. У нас здесь свиной одна бегала. И в шар, в змея оборачиваться она тоже могла, да-да, раньше такое было» (с. Казачья Пелетьма).

Попадая в дом к тоскующему, «змей», или «летун» принимает образ недавно умершего человека. Примечательно, что эти разные формы видит не только один тоскующий человек, но и другие родственники, а также посторонние люди, находящиеся в это время в доме: «У маей мамы была подружка. И у этой подружки мужа задавила поездом. И вот как-то заходит подружка эта в конюшню и маму мою завет: “Аксютка, иди сюда, тут Захарка”, — это муж ее покойный. Мама зашла в конюшню, поглядела, что Захарка навоз чистит и убегла» (с. Лебедевка).

В доме светящийся шар трансформируется не только в мужской образ, но и в любой другой, в зависимости от того, кто и по кому тоскует. Так, «змей» может предстать в образе покойных матери или отца, жены, взрослого сына, дочери и даже ребенка: «Адна женщина у нас беременная была и рябенка патеряла, и срок бальной был. И стала на эту ребенку таскавать. И он к ней прилятел: все вакрыг асвятил! Сперва асвятил, а потом запытел, ну вроде как ребенок. Женщина эта: “Госпади Иисусе Христе”, — и он аб крылец сразу ударился и изашел, змей этак» (с. Большая Ижмора).

Помимо разнообразных образов покойников пензенские версии демонстрируют и иное — их социально приемлемое поведение. Например, дочь видит сон о том, что умершая мать беспокоится о своей корове и пытается ее подоить: «У маей подружки мать памярла и подружка па ней таскавала. И вот подружка ляжет спать, а покойная мать придет — и к корове, вроде падаить: “Дуня, Дуня”» (с. Большая Ижмора).

Почти всегда «змей», или «летун» приносит с собой гостинцы. И если в рассказах 2000-х годов это были конфеты и печенье, завернутые в узелок, то в наше время «благосостояние» образов покойников явно улучшилось. Так, «змей» в образе заботливого покойного сына «приносит» матери и своим детям в качестве угощения «торт» и «макаронь»: «Это было у нас в доме. У меня муж умер. Мне 29 лет было и у меня две дочки маленькие. И свекровь с нами жила. И вот она по нем, па сыну, па маему мужу таскует и таскует. И он стал к ней ходить. Ну, я захажу как-то в избу, а тут матрас как-то не так лежит. Я падняла матрас-та, а там вот такой курышок навоза каровьева замороженный — зимой ведь дело было, и салом: саломинка к саломинке лежит. А свекровь мне и гаварит: “Пришел сын, пришел сам. Принес торт и макароны. Гаварит: “Сваришь с ребятишками”» (с. Низовка).

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
магической
традиции

обрядов приводит к увеличению жизненной силы, которая в свою очередь обеспечивает выполнение деяний нового уровня.

Может показаться, что ритуальная сторона пензенской магической традиции в настоящее время сильно редуцирована. Простые ритуалы, один заговор или молитва от нескольких заболеваний, отсутствие сакрального значения — все это на первый взгляд подтверждает сложившееся впечатление. Но сами сельские жители считают, что чем сильнее знахарь или колдун, тем меньше текстов, атрибутов и обрядов они используют в своей практике. Так, одна из сильнейших камешкирских знахарок за один сеанс помогает сразу трем больным. Она укладывает их на пол, окропляет святой водой, шепчет молитву и просто водит над ними рукой. При этом результат ощутим сразу: одна из «вовсе неходячих» женщин сразу после такого сеанса смогла самостоятельно передвигаться при помощи клюки (с. Русский Камешкир).

Аналогичное явление наблюдается и со стороны колдунов. Если в начале своего магического пути колдун использует различные предметы и практикует разные формы работы с ними, то в дальнейшей практике такой необходимости не возникает. Достаточно точно сформулированного и конкретно направленного колдовского пожелания, чтобы человек тяжело и надолго заболел. Можно лишь предполагать, что именно единообразие действий и их многократное воспроизведение играют основополагающую роль. Четкость выполнения предписаний и получение того или иного результата на новом уровне закрепляют позицию знахаря или колдуна в магической традиции.

Следствием описанного процесса становится появление у практикующего ведуна сновидений. Конечно, способность видеть необычайно яркие, волшебные сны возникает спонтанно у многих людей, но только сельские маги трактуют такие сны как показатель усиления своих способностей. То, что сновидения до сих пор относятся пензенскими ведунами к категории сакрального знания, подтверждается намеренным замалчиванием этого аспекта. Так, и знахари, и колдуны либо уходят от ответа и меняют тему разговора, либо отрицают то, что они видят во сне что-либо необычное.

Связь снов, в которых фигурируют умершие, с реальным миром проявляется в способности колдуна/знахаря к принятию их образов. На то, что мертвец из сна и образ покойного, которого видит тоскующий человек, представляют собой явления одного порядка, указывает С.М. Толстая [Толстая, 2015]. При этом различные образы умерших, их «человеческое» поведение, проявляемое в сочувствии к некогда близкому человеку, заботе о нем, желании оберегать его, свидетельствуют о двойственной природе оборотничества. В этом контексте целесообразно привести развернутый фрагмент репортажа, где именно целитель демонстрирует «волшебные» качества — является к близкому человеку, в реальности находясь за сотни километров от него, хотя и не меняет при этом своего облика: *«У меня крестная была, водой лечила, умывала. Очень близкий мне человек, моя вторая мама. У меня по отцу родственники с Челябинска, вот и она тоже в Челябинске тогда жила. И один раз она меня уберегла, когда я уже здесь жила и беременная ходила.*

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное
состояние
традиции

новые возможности, но и проходит своеобразную инициацию, после которой может действовать и развиваться в строго заданном направлении. И в этом случае магическая традиция предстает перед нами как активная и динамичная система. Многолетняя активная практика и вовлеченность в необъяснимые с рациональной точки зрения процессы необратимо изменяют личность колдуна/знахаря. В мифологическом плане реализация всех элементов системы приводит к созданию «сверхчеловека», одновременно существующего в пространстве двух «миров» — реальном и мифологическом. В практическом плане меняется роль магической традиции: она становится субъектом, создающим объект — своего носителя.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Список населенных пунктов Пензенской области, где проходили этнографические экспедиции

Большая Ижмора, село Земетчинского района. Респонденты Т.С. Тимохина (1928 г.р.), А.С. Логинова (1924 г.р.) — русские. Экспедиция И.А. Редкиной, Н.А. Рябовой. 28.08.2004²

Воскресеновка, село Пензенского района. Респонденты Н.В. Антипова (1946 г.р.), Т.Н. Егорова (1958 г.р.), Л.И. Сахарнова (1965 г.р.), И.Б. Жаркова (1968 г.р.) — русские. Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Борисова, А.Ю. Мареевой. 03.04.2023

Земетчино, поселок городского типа. Респондент Е.К. Рыжова (1921 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной, Н.А. Рябовой. 28.08.2004

Казачья Пелетьма, село Лунинского района. Респондент Т.А. Сыровкина (1986 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Н.В. Оськиной, А.Г. Прошиной и др. 11.06.2023

Кардаво, село Городищенского района. Респондент В.А. Моисеев (1939 г.р.) — русский. Экспедиция И.А. Матвеевой, Л.Ю. Ряшенцевой. 26.07.2022

Кулясово, село Камешкирского района. Респондент А.П. Ревескина (1983 г.р.) — мордовка (эрзя). Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

Лебедевка, село Пензенского района. Респондент А.С. Дуренкова (1941 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 03.08.2006

Левашовка, село Пензенского района. Респондент А.М. Пузанова (1929 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 16.08.2005

Мамадыш, село Камешкирского района. Респонденты Т.С. Савельева (1941 г.р.), М.И. Ледяева (1954 г.р.) — мордовки (эрзя). Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

² Здесь и далее в списке после указания каждого населенного пункта приводятся имена респондентов, их год рождения и национальность, а также имена участников и дата экспедиции.

Матчерка, село Земетчинского района. Респондент З.И. Богатырева (1963 г.р.) — русская (колемазка³). Экспедиция Н.А. Зверевой, И.А. Матвеевой. 30.07.2022

Низовка, село Каменского района. Респондент А.А. Лапшина (1947 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Ю.А. Перетрухиной, Ю.В. Волковой. 31.07.2015

Пашково, село Земетчинского района. Респондент А.П. Желудкова (1944 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, Н.А. Зверевой, А.А. Карачаровой. 18.10.2020

Русский Камешкир, село Камешкирского района. Респондент М.П. Деянова (1940 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Матвеевой, А.Г. Жаткиной, О.Д. Мандриковой. 17.08.2022

Старая Каменка, село Пензенского района. Респондент С.Н. Никонова (1914 г.р.) — русская. Экспедиция И.А. Редкиной. 17.08.2005

Старый Карлыган, село Лопатинского района. Респондент Г.Г. Баткаева (1982 г.р.) — татарка. Экспедиция И.А. Матвеевой. 26.01.2023

Sorcery and Witchcraft in the Penza Region: Current State of the Magical Tradition

Irina A. Matveeva

CSc in History of Arts, Senior Lecturer of the Department of Music and Methods of Teaching Music, Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Sciences.

Penza State University.

40 Krasnaya Str., Penza 440026, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-5351-3561

redkina1983@rambler.ru

Abstract. The magical tradition, that is actually present in the villages of the Penza region, is being investigated. The presented modern expeditionary materials reveal unknown facets in the tradition of rural healing and witchcraft practices. On the basis of mythological stories, tales and reports with the bearers of the tradition, stable characteristics of healers and sorcerers of the Penza region are highlighted. One of these elements — “gift” — is seen as an excess of life force that allows the sorcerer to harm people, and the healer to heal various diseases. For the first time, a system of successive strengthening of the vitality of a healer or sorcerer is revealed. Prohibitions and restrictions, constant ritual practice, dreaming and shape-shifting are part of the system, the result of which is the strengthening of magical abilities. Particular attention is paid to mythological stories about the transformation of sorcerers and healers into a “fire serpent” — a glowball. In particular, new images and functions of the “snake” have been discovered. Thus, the glowball is an intermediate form in a series of magical transformations. The final image is associated with a person who comes into contact with a sorcerer or medicine man. The function of the “serpent” also varies — it transforms from a harmful creature into a neutral and even positive character. Consistent implementation of all elements of the

³ Самоназвание небольшой субэтнической группы, входящей в состав Мещёры и компактно проживающей на северо-западе Пензенской области (подобно цуранам и ягунам).

magical system leads to the creation of a “superman”, simultaneously existing in the space of two “worlds” — real and mythological.

Keywords: Penza region, traditional culture, folklore of the Penza region, healer, sorcerer, fire serpent, healing, sorcery.

For citation: Matveeva I.A. Sorcery and Witchcraft in the Penza Region: Current State of the Magical Tradition // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 2. P. 174–191. DOI: 10.31857/S0236200724020103

Литература/References

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993.

Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture* [Ritual in Traditional Culture]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993.

Базлов Г.Н. Поверья об «огненном змее» в Тверской области // *Живая старина*. 1996. № 4(12). С. 49–51.

Bazlov G.N. *Pover'ya ob "ognennom zmee" v Tverskoi oblasti* [Beliefs About the “Fiery Serpent” in the Tver Region]. *Zhivaya starina*. 1996. N 4(12). P. 49–51.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Vinogradova L.N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk Demonology and Mythoritual Tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000.

Десяткина Т.П., Панфилова С.С. Образ и функции Змея в народных представлениях мордвы // *Вестн. марий. гос. ун-та*. 2011. Т. 15, № 1(41). С. 79–85.

Devyatkina T.P., Panfilova S.S. *Obraz i funktsii Zmeya v narodnykh predstavleniyakh mordvy* [The Image and Functions of the Serpent in the Folk Representations of the Mordovians]. *Bulletin of the Mari State University*. 2011. Vol. 15, N 1(41). P. 79–85.

Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М.: Индрик, 2001. С. 95–105.

Dobvol'enskaya V.E. *Narodnye predstavleniya o koldunakh v nesказochnoi proze* [Folk Ideas About Sorcerers in Non-fairy tale Prose]. *Muzhskoi sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoi kul'ture* [Men's Collection. Iss. 1. Man in Traditional Culture]. Moscow: Indrik Publ., 2001. P. 95–105.

Докучаев Н. Село Бояркино Городищенского уезда. Историко-статистическое описание // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1885. № 19. С. 9–18.

Dokuchaev N. *Selo Boyarkino Gorodishchenskogo uезда. Istoriko-statisticheskoe opisanie* [The Village of Boyarkino, Gorodishchensky District. Historical and Statistical Description]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1885. N 19. P. 9–18.

Докучаев Н.А. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии. Историко-статистический очерк // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1910. № 24. С. 1025–1031.

Dokuchaev N.A. *Selo Vyrypaevo Saranskogo uезда Penzenskoi gubernii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [The Village of Vyrypaevo, Saransky District, Penza Province. Historical and Statistical Essay]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1910. N 24. P. 1025–1031.

Левкиевская Е.Е. Знахарь // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 347–350.*

Levkievskaya E.E. *Znakhar'* [Witch Doctor]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol.]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. P. 347–350.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции

Поповкина Г.С. Знахари и знахарство у восточных славян юга Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2008.

Popovkina G.S. *Znakhari i znakharstvo u vostochnykh slavyan yuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Healers and Witchcraft Among the Eastern Slavs of the South of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2008.

Русинова И.И. Лексика колдовства, знахарства, русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022.

Rusinova I.I. *Leksika koldovstva, znakharstva, russkikh mifologicheskikh tekstov kak osobaya ideograficheskaya sfera: kompleksnoe issledovanie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Vocabulary of Witchcraft, Healing, Russian Mythological Texts As a Special Ideographic Sphere: A Comprehensive Study: Diss. ... DSc, Philology]. Perm': Perm State National Research University Publ., 2022.

Смирнов Н. Суеверия простого народа и борьба с ними пастырей // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1882. № 24. С. 4–10.

Smirnov N. *Sueveriya prostogo naroda i bor'ba s nimi pastyrei* [Superstitions of the Common People and the Struggle of Pastors Against Them]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1882. N 24. P. 4–10.

Тихомиров Ф. Тихая вода (случай из практики деревенской знахарки) // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1877. № 16. С. 639–657.

Tikhomirov F. *Tikhaya voda (sluchai iz praktiki derevenskoi znakharki)* [Quiet Water (A Case from the Practice of a Village Healer)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 1877. N 16. P. 639–657.

Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

Tolstaya S.M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2015.

Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2010.

Khristoforova O.B. *Kolduny i zhertyvy: antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and Victims: An Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia]. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2010.

И.А. Матвеева
Знахарство
и колдовство
в Пензенской
области: современное состояние
магической
традиции